

О ЛИТОВСКОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Чесловас Лауринавичюс

Abstract

The paper discusses the territorial-geopolitical aspect of the Lithuanian policy during the First World War, which is still not sufficiently studied or properly understood. It concerns the strategic line proposed by members of Lithuania's conservative elite. The visible side of the line was a game of orientations: first pro-Russian, then pro-German. However, these orientations were based on an ethnographic principle, which created preconditions for the practical development of the Lithuanian nation. On the other hand, the ethnographic principle was related to the idea of national self-determination, raised by the democratic thought, which paved the way for Lithuanian national statehood. Therefore, the strategic line offered by some of the Lithuanian elite went beyond party ideology and became national.

Key words: ethnographic territory, the Nemunas basin, Suwałki Gubernia, Vilnius, geopolitical ally.

137

Anotacija

Straipsnyje aptariamas lietuvių politikos Pirmojo pasaulinio karo metais teritorinis-geopolitinis aspektas, kuris, regis, dar nėra ganėtinai aptartas ir reikiamai įvertintas. Kalbama apie lietuvių konservatyvaus elito atstovų siūlytą strateginę kryptį. Matomoji tos linijos pusė buvo žaidimas orientacijomis: pradžioje – prorusiška, vėliau – provokiška. Tačiau tos orientacijos buvo grindžiamos etnografiniu principu, kuris sukūrė praktines prielaidas lietuvių tautos vystymuisi. Kita vertus, etnografinis principas siejosi su demokratinės minties iškelta nacionalinio apsisprendimo idėja, vėrusia kelią į Lietuvos nacionalinį valstybingumą. Todėl dalies lietuvių elito pasiūlyta strateginė linija peržengė partinių ideologijų ribas ir tapo nacionaline.

Pagrindiniai žodžiai: etnografinė teritorija, Nemuno baseinas, Suvalkų gubernija, Vilnius, geopolitinis sąjungininkas.

Česlovas Laurinavičius, dr., principal investigator, Lithuanian Institute of History, Kražių g. 5, LT-01108 Vilnius, Lithuania. Email: laurinaviciusc@gmail.com.

Начиная анализ литовской проблемы в период Первой мировой войны, следует напомнить, что собой представляли литовцы в начале XX века. И так – это была этническая общность, составляющая около 2 млн., более-менее компактно проживающая на территории трех губерний Российской Империи: Каунасской (Ковенской), северной части Сувалкской и западной полосе Вильнюсской (Виленской); в социальном отношении свыше 90 % крестьянская, в абсолютной своей массе деревенская, а в городах не превышающая одной пятой части жителей. Однако у этой общности уже имелась достаточно сильно развитая национальная идентичность, чтобы судить о литовцах как о субъекте. Следует заметить, что со второй половины XIX века в литовской среде выявились две противоположные тенденции. С одной стороны, шла усиливающаяся ассимиляция, главным образом, в польскую культурную или даже пропольскую политическую идентичность, что особенно было характерно для восточной части литовской этнографической территории. С другой стороны, наблюдался прогресс модернистского национального самосознания, вектор которого распространялся с западной и юго-западной части этноса на восточную его часть¹.

Конечно, национальное сознание как таковое не было однородным по своим идеологическим установкам: имело место размежевание между клерикалами, либералами, националистами и социалистами. Однако важно отметить, что представители всех идеологических направлений в своем большинстве (может, с условным исключением социалистов) склонялись к приему национальных ценностей как приоритетных. Главным образом, руководствуясь этими ценностями, в литовской общественности уже с конца XIX в. началась дискуссия не только о повседневных – экономических, социальных или культурных – потребностях литовского народа, но и размышления о более отвлеченных политических целях. Правда, понимание конечных целей (например, что такое автономия и тем более – как ее достигнуть) было чаще всего туманным. Но непосредственные шаги, направленные к этим целям, становились уже конкретными. То есть, проявлялось стремление остановить колонизацию и ассимиляцию вообще, поднимался социально-культурный уровень народа, даже делались попытки увеличить численность жителей литовской национальности в городах. В данном контексте можно констатировать, что литовцы, проживающие на территории Российской империи, перед началом Великой войны уже представляли собой реальный политический фактор.

¹ Подробнее о национальном и социальном составе жителей в ареале литовского большинства, а также о литовском национальном движении см.: *Lietuvių nacionalinio išsivadavimo judėjimas (ligi 1904 metų)*. Ats. red. V. MERKYS. Vilnius, 1987, p. 52–69, 200–216; RÖMERIS, M. *Lietuva. Studija apie lietuvių tautos atgimimą*. Moksl. red. R. MIKNYS. Vilnius, 2006; MIKNYS, R. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valstybingumo tradicija lietuvių tautinio judėjimo politinėje programoje: teorinis ir praktinis aspektai. In *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai*. Sud. A. BUMBLAUSKAS, G. POTĄŠENKO. Vilnius, 2009, p. 117–143; MOTIEKA, E. *Didysis Vilniaus seimas* (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 11). Vilnius, 1996.

Наряду с российской частью литовского народа, или основной Литвой, существовала и другая – Малая (Прусская) Литва. Это – литовский этнос, распространившийся на территории Восточной Пруссии, главным образом, по правой стороне реки Неман. Эта часть литовской популяции была гораздо более развита в социально-экономическом отношении, нежели ее этнические собратья на востоке. Однако в политическом смысле литовцы Малой Литвы в своем абсолютном большинстве удовлетворялись гражданством Германской империи, во всяком случае не проявляя зримых желаний соединиться со своими этническими братьями на востоке.

I.

Качественными знаками, свидетельствующими о том, что литовское движение становится политическим, явилось стремление определить свою этнографическую территорию, объединить ее в одно целое и добиться национального доминирования на этой территории. Первенство в определении таких целей принадлежит Йонасу Басанавичюсу и газете «Аушра», издававшейся в Пруссии и нелегально распространявшейся в российской части Литвы. Сам Басанавичюс еще в 1880 г. определил литовскую этнографическую территорию в рамках Каунасской, Вильнюсской и Сувалкской губерний, с прилеганием к ним небольшой части Гродненской губернии, а так же низовьями Нямунаса (Немана) в Восточной Пруссии (т.е. с Малой Литвой)². Кстати, позднее рамки, определенные Басанавичюсом, уточнялись, но существенно не менялись³. Главная же историческая заслуга газеты «Аушра» состояла в том, что она не только выдвинула идею важности объединения этнографической территории в одно целое, но и наметила основные условия, необходимые для того, чтобы литовский народ стал фактическим хозяином своей территории. Вместо универсализма унии «Аушра» предложила этнографический принцип, вместо традиций вооруженных восстаний и военного противостояния – геополитическую игру и политический компромисс⁴.

Однако процесс осознания намеченных целей в народе был продолжительным и противоречивым, тем более что создание упомянутых условий зависело отнюдь не только от действий самого литовского народа, но и от определенного соотношения внешних сил.

² BASSENOWICZ, J. Rubežej ir skajtlus Lietuvių tautôs. *Naujasis Keleivis*, 23. Julijų 1880, Nro. 17.

³ См.: PETRONIS, V. *Constructing Lithuania. Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914*. Stockholm, 2007, pp. 233, 236, 245, 249, 256, 261, 262; *Границы Литвы. Тысячелетняя история*. Вильнюс, 2010, с. 72–74.

⁴ Подробнее см.: LAURINAVIČIUS, Č. Dar kartą apie „Aušrą“. In *Kintančios Lietuvos visuomenė: struktūros, veikėjai, idėjos: mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas prof. habil. dr. Tamaros Bairašauskaitės 65-mečio sukakčiai*. Sud. O. MASTIANICA, V. PUGAČIAUSKAS, V. ŽALTAUSKAITĖ. Vilnius, 2015, p. 463–474.

II.

Наибольшую часть литовского дискурса по территориальному аспекту, несомненно, составляла озабоченность положением в восточной части этнографической Литвы с ее главным центром г. Вильнюсом, где литовцы находились в абсолютном меньшинстве. Тем не менее, лидеры литовского национального движения принципиальным долгом для себя ставили задачу утвердить в народе убеждение, что именно Вильнюс должен считаться центром литовского национального возрождения. Выдвигалось даже нечто вроде аксиомы, что Вильнюс неотделим от Литвы, как и Литва – от Вильнюса. В такую формулу вкладывался, по существу, сакральный смысл, который невозможно было полностью объяснить широким слоям, и поэтому в него следовало просто верить⁵.

140

Важную часть территориального дискурса литовцев составлял также вопрос Сувалкской губернии. Как известно, эта губерния в силу разделов XVIII века находилась в составе т. н. привеслянского края (или Королевства Польского). Важно отметить, что положение в Сувалкской губернии, по сравнению с губерниями за пределами Королевства, было лучше по целому ряду показателей экономического, социального и культурного характера. Но в литовском общественном сознании, руководствуясь чисто национальными интересами, созревало понимание необходимости присоединения Сувалкской губернии к другим литовским губерниям⁶.

Особая тенденция в литовской политической мысли наблюдалась по отношению к Малой Литве. Еще в газете «Аушра» появились сюжеты о этнокультурном единстве литовцев, проживающих на российской и германской территориях. Но в последующих литовских изданиях – имеется в виду «Варпас» (Колокол) или «Тевинес саргас» (Страж Отчизны) (кстати, тоже нелегальных) – тема Малой Литвы как бы теряла актуальность; в период революции 1905–1907 г.г. она также не выдвигалась; – эта тема стала вновь активно обсуждаться только с началом мировой войны. Но необходимо заметить, что тема по поводу важности объединения литовской этнографической территории выдвигались литовцами, проживающими в Западной Европе и на Американском континенте.

До начала мировой войны лидерами в агитации по вопросу важности присоединения к литовским территориям Малой Литвы являлись Йонас Шлюпас и Юозас Габрис-Паршайтис: Шлюпас эту тему поднимал в газете «Lietuviszkas

⁵ SMETONA, A. Vilnius – Lietuvos širdis. *Viltis*, 1907 10 01 (14), [be Nr.], p. 3–4; [SMETONA, A.] Vilniaus lietuvių mokykla. *Viltis*, 1908 07 06 (19), Nr. 77, p. 1–2; SM[ETONA], A. Kur Lietuvos centras? *Viltis*, 1910 12 03 (16), Nr. 139 (474), p. 1–2; SM[ETONA], A. Dėl lietuvių kalbos Vilniaus mokyklose. *Viltis*, 1912 02 24 (03 08), Nr. 24, p. 1.

⁶ [SMETONA, A.] V-is. Dėl Suvalkų gubernijos atskyrimo. *Viltis*, 1911 12 02 (15), Nr. 140 (625), p. 1.

Balsas» (Литовский голос), которая выходила в Нью-Йорке; Габрис же, с 1907 г. проживавший в Париже, был одним из организаторов движения малых народов на международной арене. А 21–22 сентября 1914 г. заседавший в Чикаго Сейм литовцев уже принял политическую декларацию по вопросу присоединения литовских территорий Пруссии к Литве⁷.

Вообще, вопрос о том, как в литовском национальном сознании созревала идея присоединения Малой Литвы к российской части Литвы, требует детального изучения. Но и имеющаяся информация позволяет сделать предположение, что упомянутая цель литовских деятелей в отношении Малой Литвы обосновывалась не столько этнокультурными, сколько геополитическими соображениями.

III.

Следует заметить, что литовские геополитические соображения имели явную корреляцию со стратегическими планами России, где в качестве средства для усиления влияния империи предполагалось использовать этнографический фактор. Как известно, в российских военных планах была цель овладеть территориями Восточной Пруссии, а аргументом для такой цели служил тот факт, что на упомянутых территориях проживали литовцы и поляки. Важно добавить, что западные союзники рассматривали такие намерения россиян с пониманием и одобрением⁸.

Между прочим, весьма похожая корреляция с российскими стратегическими планами в отношении германских территорий имела и у поляков. Лидер народной демократии Роман Дмовский, например, прогнозировал, что в будущей великой войне с помощью российской военной силы произойдет объединение польских западных земель. А это обстоятельство, в соответствии с теорией Дмовского, должно было способствовать процессу восстановления Польши как необходимого буфера для сдерживания Германии. Правда, у поляков имела и противоположная стратегия, намечавшая возрождение польской государственности на развалинах Российской империи⁹.

⁷ DEMM, E. The Propaganda of Juozas Gabrys for Lithuania before 1914. *Journal of Baltic Studies*, 1990, vol. 21, issue 2, pp. 121–130; ČEPĖNAS, P. *Naujujų laikų Lietuvos istorija*. T. II. Chicago, 1986 (Vilnius, 1992), p. 417–440.

⁸ МИЛЮКОВЪ, П. Территориальные приобретения России. In *Чего ждет Россия от войны: сборникъ статей*. [s.l., s.a.], с. 49–62; MALONE, G. D. War Aims toward Germany. In DALLIN, A. et al. *Russian Diplomacy and Eastern Europe, 1914–1917*. New York, 1963, pp. 124–161.

⁹ DMOWSKI, R. *Pisma*. T. II: *Niemcy, Rosja i kwestja polska*. Częstochowa, 1938; SUKIENNICKI, W. *East Central Europe during World War I: From Foreign Domination to National Independence*. Vol. 1. New York, 1984, pp. 55–80.

IV.

С началом войны стратегии великих держав стали воплощаться в жизнь. Соответственно стала выявляться и особая литовская политическая логика.

Как известно, 1 (14) августа 1914 г. в России было объявлено воззвание великого князя Николая Николаевича «К полякам», в котором намечалось «возрождение Польши» при объединении польских земель под скипетром русского царя. Воззвание имело эффект. Поляки Королевства с первых дней войны проявляли лояльность к России. В основном лояльны были и другие народы империи, в том числе и литовцы. А депутат Думы Мартинас Ичас еще 26 июля (8 августа) в произнесенной им речи приветствовал начавшуюся военную борьбу «против германского натиска»¹⁰.

142

Но литовские консервативные деятели не ограничились проявлением лояльности, а подготовили специальную декларацию, в которой говорилось следующее: поскольку миссия России состоит в том, чтобы быть освободительницей славянских народов, то литовский народ надеется, что вследствие начавшейся войны он получит возможность объединиться со своими братьями по крови в Восточной Пруссии. Декларация была написана в повышенном эмоциональном тоне, полна поэтических метафор, – литовцы, например, отождествлялись с «янтарем в море славянства», поэтому в историю она вошла как «Янтарная декларация»¹¹.

Декларацию подписали только несколько литовских деятелей, среди которых был и Басанавичюс. Большинство же литовских политиков отнеслось к декларации скептически, если даже не враждебно – главным образом, из-за чрезмерного отождествления литовских национальных целей с российской политикой. Ведь и тогда политическая борьба в ее доминирующим понимании означала непримиримость и даже бескомпромиссность по отношению к российской власти.

Тем не менее, декларация была напечатана в ряде литовских, а также российских газет. А упомянутый Ичас собственноручно вручил текст декларации председателю российского правительства Ивану Горемыкину. Хотя официальной реакции на этот шаг литовцев от российских властей не последовало, но есть основания полагать, что неофициально какие-то разговоры между литовскими и российскими политиками велись. Например, Ичас в одной из своих статей намекнул, что он будто бы в разговорах с министром иностранных дел Сергеем Сазоновым обсуждал вопрос о присоединении территорий низовья Нямунаса к литовскому ареалу¹².

¹⁰ Ср. речь М. Ичаса в Думе: *Nepaprastasis Valstybės Dūmos posėdis. Viltis*, 1914 07 30 (08 12), Nr. 168 (1116), p. 1; YČAS, M. *Atsiminimai. Nepriklausomybės kelias*. T. 1. Kaunas, 1935, p. 225.

¹¹ YČAS, M. *Atsiminimai. Nepriklausomybės kelias*. T. III. Kaunas, 1936, p. 235–237.

¹² YČAS, M. [Recenzija R. Valsonoko knygai „Klaipėdos problema“]. *Vairas*, 1932, t. VI, Nr. 11, p. 252; LOPATA, R. *Lietuvių inteligentijos politinė veikla 1914-1915 metais*. In *Lietuvos valstybės idėja (XIX a. –*

Интересно отметить, что Ичас в своей речи от 26 июля (8 августа) в Думе наряду с проявлениями лояльности империи также говорил о «пожелании литовского народа, чтобы вследствие войны произошло объединение Маленькой и Большой Литвы». Следовательно, литовские претензии на территории Восточной Пруссии были объявлены раньше известного воззвания «К полякам». Это обстоятельство наводит на мысль о том, что по вопросу присоединения к России литовских территорий, находящихся в германских владениях, существовала некая связь между литовскими устремлениями и действиями российских властей.

Официальный аргумент, на котором литовские деятели основывали желание объединения с Малой Литвой, был, конечно, этнический. Однако, присутствовали и другие мотивы – не явно провозглашаемые, но в конкретной ситуации гораздо более актуальные. В первую очередь это было стремление своими заявлениями обратить на себя внимание российских властей, и тем самым пытаться нейтрализовать давление со стороны польской диаспоры. Есть основания полагать, что такое давление после обнародования известного воззвания «К полякам» усилилось¹³. Например, поляки Литвы в то время стали открыто призывать поляков Варшавы к активным действиям, чтобы объединение польских земель охватило и Литву¹⁴.

Однако, кроме непосредственного давления, которое чувствовали литовцы со стороны поляков, присутствовал и менее зримый, но не менее важный геополитический аспект. Дело в том, что в польской политической мысли еще с конца 19 века созревала важная геополитическая цель – «сломить германское засилье на территории от Вислы до Немана»¹⁵. А вследствие известного воззвания великого князя эта цель получила сильный импульс. Из того, как в польском обществе обсуждались перспективы войны с Германией, можно было понять, что **все** оторванные от Восточной Пруссии территории в той или иной форме могут перейти в сферу польского влияния. В этом контексте у литовских деятелей созрело соответствующее понимание важности не допустить проникновения польского влияния в низовья Немана, то есть – на западный фланг литовского ареала. Здесь можно констатировать, что по вопросу будущей принадлежности территорий низовья Немана выявилась некая корреляция между литовскими стремлениями и позицией России. Судя по известным российским источникам, во всех политических течениях России низовье Немана рассма-

XX a. pradžia) (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 3). Vilnius, 1991, p. 223–225; LOPATA, R. *Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais* (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 9). Vilnius, 1996, p. 28–42.

¹³ ČEPĖNAS, P. Op. cit., p. 17.

¹⁴ Lenkų veikimas ir Lietuvos reikalai. *Šaltinis*, 1914 12 07 (11 24), Nr. 48, p. 638–639.

¹⁵ WRZESIŃSKI, W. *Polska – Prusy Wschodnie. Plebiscyty na Warmii i Mazurach oraz na Powiślu w 1920 roku* (Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego w Olsztynie, nr. 252). Olsztyn, 2010, s. 30.

тривалось как литовская территория, подлежащая присоединению не к будущей польской автономии, а непосредственно к Российской империи¹⁶.

Но литовское стремление противостоять польскому проникновению не ограничивалось лишь вопросом принадлежности территорий низовья Немана. Дело в том, что эти низовья имели непосредственную территориальную связь с Сувалькской губернией. Нетрудно было догадаться, что от того, чье влияние будет оказываться на упомянутую губернию, в большой мере зависела перспектива утверждения соответствующего влияния и в низовьях Немана.

Кстати, в недрах российской власти еще в период XIX века, когда стало возрастать значение этнического фактора, созревали планы соединения Сувалькской губернии с литовскими губерниями, но по разным причинам такое решение откладывалось¹⁷. После начала мировой войны российские власти планировали компенсировать полякам потерю Сувальщины за счет немецких территорий. Но поскольку русские военные успехи на западном фронте быстро закончились, то на неопределенное время была отложена и намечаемая территориальная перестановка. Тем не менее, вопрос оставался актуальным и для поляков, которых перспектива потери Сувальщины не радовала, и для литовцев, для которых важность Сувалькского края как существенной опоры для всего литовского ареала с первых дней войны становилась все очевиднее.

Геополитическая важность Сувалькской губернии заключалась не только в ее прилегании к бассейну Нямунаса. Еще более важным было то обстоятельство, что Сувалькская губерния прикрывала кратчайший путь для проникновения польского влияния на Вильнюсский край, т.е. наиболее слабое место литовской геополитики. Имея в виду данные обстоятельства, есть основания предполагать, что после обнародования российскими властями воззвания «К полякам» для литовских деятелей ключевым стал вопрос: где же намечается восточная граница для будущей польской «самостоятельности». По этому вопросу можно предположить следующее. Хотя публичных заявлений о будущей границе размежевания с Польшей российские власти не делали, однако неофициально в российской политической элите по отношению к западной границе империи существовал определенный консенсус: основой для размежевания с Польшей должна была служить граница Королевства с исключением той части Сувалькской губернии, где большинство населения составляли литовцы. И даже проект министра С. Сазонова, известный своими далеко идущими последствиями

¹⁶ *Русско-польские отношения в период первой мировой войны.* Ред. Н. ЛАПИНСКИЙ. Москва-Ленинград, 1926, с. 19–23; МИЛЮКОВЪ, П. *Op. cit.*, с. 56.

¹⁷ По вопросу о возможном выделении Сувалькской губернии из польского края (в период с 1863 по 1900 г.) см. документы в Государственном историческом архиве Литвы (далее ГИАЛ): ф. 378, оп. 71, д. 1549; ф. 378, оп. 108, д. 246.

в плане политических прав для поляков, в плане территориальном не допускал отхода от упомянутого консенсуса.

Как следует из архивных документов, С. Сазонов, высказавшийся за восстановление польской государственности в союзе с Россией, опасался, что «неумелое решение польско-русского спора по поводу русско-литовских территорий может стать яблоком раздора между русскими и поляками в пользу германо-австрийских интриг». Поэтому он старался избегать резких заявлений по поводу территориального размежевания между будущей Польшей и Российской империей. По всей видимости, С. Сазонов надеялся этот вопрос решить безболезненно, по его выражению, «направляя польскую экспансию на запад»¹⁸.

Тут, наверное, может возникнуть вопрос – а как российские власти относились к самому литовскому фактору? Об этом косвенно можно судить хотя бы по такому признаку, как изменение лексики русских властей на протяжении двух-трех десятилетий в отношении этого фактора. Когда в конце XIX – начале XX века между российскими чиновниками проходила дискуссия по поводу отделения Сувалкской губернии от польского края, то в отношении литовцев превалировало употребление термина «племя», которое проживало на окраине империи, и которое должно было «слиться с коренным русским ядром империи».¹⁹ В российских документах периода Первой мировой войны понятие «литовцы» уже отождествлялось с понятием «народ», который имел собственные интересы, хотя и неразрывно связанные с Россией.²⁰ А уже в воспоминаниях С. Сазонова, писавшихся, видимо, в начале двадцатых годов, речь шла о Литве как «вновь вызванной к государственной жизни»²¹. Вообще складывается впечатление, что для русской политической мысли свойственно было идти вслед за уже осуществившимися реалиями.

Из всего вышесказанного можно заключить, что для литовской национальной стратегии российский фактор представлял собой своеобразного партнера в геополитическом смысле. По крайней мере – в начальный период Первой мировой войны. Но в силу слабости российской власти и ее общих неудач в войне с Германией этот литовско-русский геополитический бизнес приостановился и, по крайней мере, в дальнейшем ходе войны не получил развития.

¹⁸ Дело о политике бывшего царского правительства в отношении Польши, 1–15 мая 1917 г. [Предложения Сазонова, 17 апреля 1916 г.]. *Государственный архив Российской Федерации* (далее ГАРФ), ф. 1467, оп. 1, д. 462, л. 6–7.

¹⁹ См. записки Вильнюсского генерал-губернатора В. Н. Троцкого от 31 августа 1898 г., министра внутренних дел И. Л. Горемкина от 22 января 1899 г. и др. *ГИАЛ*, ф. 378, оп. 108, д. 246, л. 3, 4–7, 14–33.

²⁰ См.: ЛОПАТА, R. The Lithuanian Card in Russian Policy, 1914–1917. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N.F., 1994, Bd. 42, Hf. 3, S. 340–354.

²¹ САЗОНОВ, С. *Воспоминания*. Москва, 1991, с. 395.

V.

Тем не менее, очерченные этим литовско-русским геополитическим бизнесом контуры для эвентуальных территориальных реконструкций в регионе не исчезли бесследно и после того, как весь регион оказался в германской оккупации. Немцы после некоторого колебания (вернее говоря, прояснения для себя ситуации) стали придерживаться геополитической стратегии, весьма похожей на российскую стратегию. По сути, они начали использовать этнический фактор для распространения своего влияния. Соответственно немцы переняли и роль геополитического союзника для литовцев. Правда, этот новый союз имел своеобразие: Сувалкскую губернию немцы сразу же после оккупации отсоединили от польских земель, но не спешили присоединить ее к литовским территориям (возможно, намереваясь непосредственно аннексировать). Тем более, при немецком засилье не могло быть и речи о литовских планах в отношении Клайпедского края. Однако для литовского понимания – во всяком случае в тактическом плане – такая ситуация являлась наименьшим злом, поскольку с ней перекрывалась возможность проникновения на эти территории и наиболее опасного для литовцев польского влияния. Примечательно, что в этот период к новой литовской политической линии стали примыкать все литовские идеологические течения, не исключая и социал-демократов.

Тем временем немцы стали соблазнять литовцев перспективой возможности усилить свое влияние в Вильнюсе, от чего литовцы не могли отказаться. Наконец, немцы не ограничились лишь геополитическим сдерживанием польского проникновения в Литву, но и начали дипломатический диалог с литовцами. Это объективно являлось непосредственным условием для возникновения литовского государства.

Заключение

Итак, можно сделать заключение, что для литовского народа, стремящегося вырваться из объятий полонизации, российский и германский факторы являлись натуральными геополитическими союзниками. Предпосылкой для такого союза служило то обстоятельство, что и Россия, и Германия в своих государственных стратегиях признавали этнографический принцип, имеющий первостепенное значение для литовской политической перспективы. Этого, между прочим, не было в польских доктринах, где опора делалась по существу на полонизм как единственную основу влияния. Конечно, можно

ссылаться на те реалии, что на практике и в России, и в Германии литовцы часто рассматривались лишь в перспективе полного их подчинения и ассимилирования. Однако сам факт признания за Россией и Германией этнографического принципа имело принципиальное значение для литовской перспективы, поскольку этот принцип – в той или иной мере – признавался и другими великими державами, и, наконец, – международным сообществом в целом. Именно этот принцип и основанная на нем соответствующая логика действий позволили литовцам найти свой путь в политической жизни.

Приложения

Учитывая тот факт, что этнографическая ситуация в Литве перед началом Первой мировой войны была сложной, а интерпретации этой ситуации отличаются тенденциозностью, прилагаются три карты, на которых изложены три версии упомянутой ситуации. Эти три версии должны помочь читателю представить себе более-менее реальную картину того времени, о котором идет речь в настоящей статье.

На карте № 1 представлена литовская версия этнографического положения в Литве (1911 г.), где красным цветом обозначено место проживания абсолютно большинства литовцев;

На карте № 2 представлена польская версия, где красным цветом обозначено распространение абсолютного большинства польского населения, а розовым цветом обозначены регионы, где поляки составляли половину населения и меньше.

На карте № 3 представлена условно-компромиссная версия: это карта, подготовленная еще в 1863 г., но в 1914 г. напечатанная в литовском издании, как, видимо, более-менее соответствующая ситуации начала XX в.: красным цветом обозначено распространение абсолютного большинства литовцев, в районах, обозначенных полосами, литовцев проживало от половины населения и меньше.

Список исследований, цитируемых в статье

Границы Литвы. Тысячелетняя история. Вильнюс, 2010.

ČEPĖNAS, Pranas. *Naujųjų laikų Lietuvos istorija*. T. II. Chicago, 1986 (Vilnius, 1992).

DEMM, Eberhard. The Propaganda of Juozas Gabrys for Lithuania before 1914. *Journal of Baltic Studies*, 1990, vol. 21, issue 2, pp. 121–130.

LAURINAVIČIUS, Česlovas. Dar kartą apie „Aušrą“. In *Kintančios Lietuvos visuomenė: struktūros, veikėjai, idėjos: mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas prof. habil. dr. Tamaros Bairašauskaitės 65-mečio sukakčiai*. Sud. Olga MASTIANICA, Virgilijus PUGAČIAUSKAS, Vilma ŽALTAUSKAITĖ. Vilnius, 2015, p. 463–474.

Lietuvių nacionalinio išsivadavimo judėjimas (ligi 1904 metų). Ats. red. Vytautas MERKYS. Vilnius, 1987.

- LOPATA, Raimundas. Lietuvių inteligentijos politinė veikla 1914-1915 metais. In *Lietuvos valstybės idėja (XIX a. – XX a. pradžia)* (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 3). Vilnius, 1991, p. 231–251.
- LOPATA, Raimundas. The Lithuanian Card in Russian Policy, 1914–1917. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, N.F., 1994, Bd. 42, Hf. 3, S. 340–354.
- LOPATA, Raimundas. *Lietuvos valstybingumo raida 1914–1918 metais* (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 9). Vilnius, 1996.
- MALONE, Gifford D. War Aims toward Germany. In DALLIN, Alexander et al. *Russian Diplomacy and Eastern Europe, 1914–1917*. New York, 1963, pp. 124–161.
- MIKNYS, Rimantas. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės valstybingumo tradicija lietuvių tautinio judėjimo politinėje programoje: teorinis ir praktinis aspektai. In *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštijos tradicija ir tautiniai naratyvai*. Sud. Alfredas BUMBLAUSKAS, Grigorijus POTAŠENKO. Vilnius, 2009, p. 117–143.
- MOTIEKA, Egidijus. *Didysis Vilniaus seimas* (Lietuvių Atgimimo istorijos studijos, t. 11). Vilnius, 1996.
- PETRONIS, Vytautas. *Constructing Lithuania. Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800-1914*. Stockholm, 2007.
- SUKIENNICKI, W. *East Central Europe during World War I: From Foreign Domination to National Independence*. Vol. 1. New York, 1984.
- WRZESIŃSKI, Wojciech. *Polska – Prusy Wschodnie. Plebiscyty na Warmii i Mazurach oraz na Powiślu w 1920 roku* (Rozprawy i Materiały Ośrodka Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego w Olsztynie, nr. 252). Olsztyn, 2010.

ON LITHUANIAN POLICY IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR: A TERRITORIAL-GEOPOLITICAL ASPECT

Česlovas Laurinavičius

Summary

After the outbreak of the Great War, Lithuania's leaders prepared a special declaration. It said that since Russia's mission was to be a liberator of nations, the Lithuanian nation hoped that it would have the opportunity to unite with their brethren in East Prussia. The declaration was published in a number of Lithuanian and Russian newspapers. The demand to unite all ethnic Lithuanians was the official argument of Lithuanians in the Russian Empire towards the area of East Prussia. However, the geopolitical aspect was important too: Lithuania tried to prevent the eventual penetration of Polish influence in the Neman (Nemunas) region, i.e. the western flank of the Lithuanian area. So there was a certain correlation between Lithuanian aspirations and Russian strategy. As can be judged from the available Russian sources, in all Russian political trends, the lower reaches of the Neman were seen as Lithuanian territory that should be incorporated into the Russian Empire directly, not into Poland. It is important to add that these Russian plans were met with understanding, and even welcomed, by the Western allies.

In addition, the Neman region had a direct territorial connection with the Suwałki Gubernia. We can presume that whoever controlled the Suwałki Gubernia dominated the Neman region.

On the other hand, the Suwałki Gubernia covered the shortest way to the Vilnius region, the weakest position of Lithuanian geopolitics. For Lithuanians, the most important question was: where were the eastern borders of 'independent' Poland planned? The Russian authorities did not make public statements about the future demarcation with Poland. However, there was some consensus on this issue among the Russian political elite: the eastern border of the Kingdom of Poland was to serve as the basis for the delimitation (with the exception of the Lithuanian part of the Suwałki Gubernia).

After the German occupation of Lithuania, the Germans adopted a geopolitical strategy similar to Russia's: to use ethnic communities as instruments to spread the Empire's influence. Furthermore, the Germans started a diplomatic dialogue with the Lithuanians. This was a direct condition for the emergence of the Lithuanian state.

So we can conclude that, for the Lithuanians, the Russian and German factors were natural geopolitical allies in escaping from colonisation. The main reason for this alliance was the fact that both Russia and Germany, in their public policy, recognised the ethnographic principle. Of course, it could be said that in reality Russia and Germany both considered the Lithuanians as a target for complete subjugation and assimilation. However, the recognition of the ethnographic principle by Russia and Germany was a fact of fundamental importance to Lithuania, because the principle was recognised by the other Great Powers, and, in the end, by the international community.

DĖL LIETUVIŲ POLITIKOS PIRMOJO PASAULINIO KARO METAIS: TERITORINIS-GEOPOLITINIS ASPEKTAS

Česlovas Laurinavičius

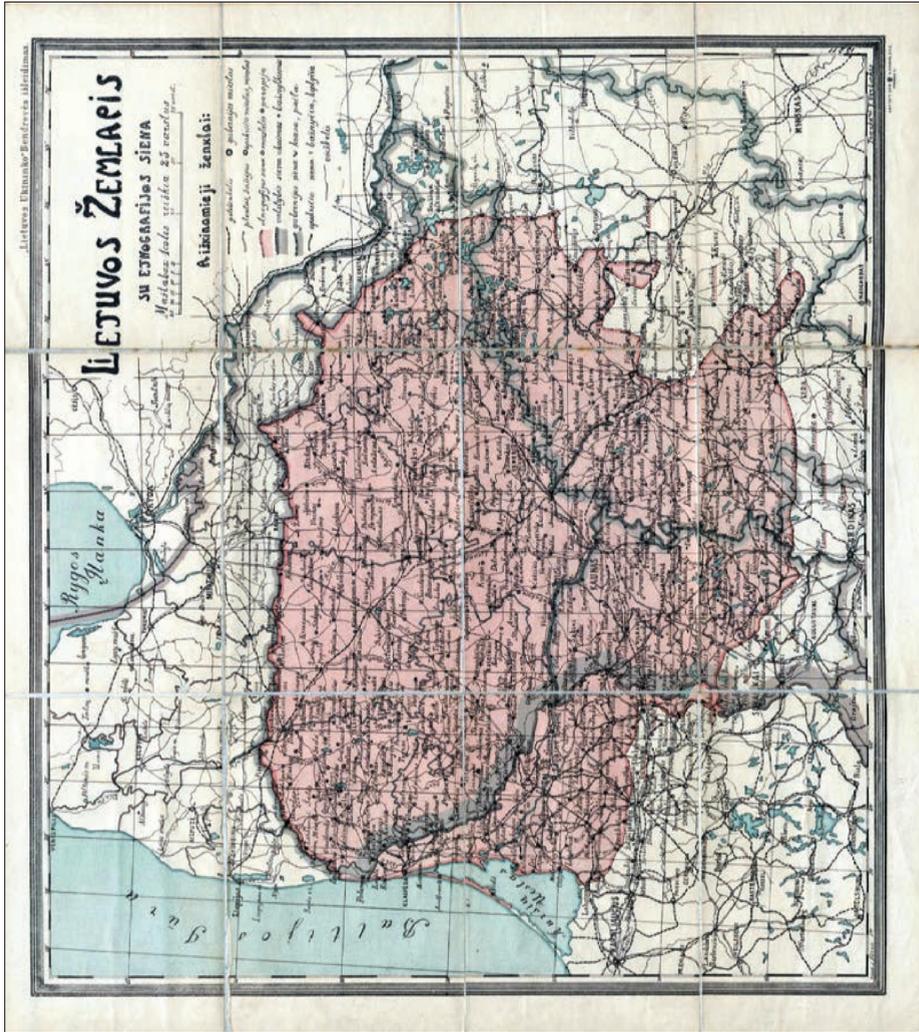
Santrauka

Kilus Pirmajam pasauliniam karui, lietuvių lyderiai parengė specialią deklaraciją. Ji teigė, jog kadangi Rusijos misija bus išlaisvinti tautas, lietuvių tauta deda viltis, kad turės galiybę susijungti su savo broliais Rytų Prūsijoje. Deklaracija buvo paskelbta daugelyje Lietuvos ir Rusijos laikraščių. Reikalavimas sujungti visus etninius lietuvius Rusijos imperijoje buvo oficialus lietuvių teiginys, nukreiptas į Rytų Prūsijos žemes. Tačiau svarbus čia buvo ir geopolitinis aspektas – lietuviai siekė neleisti įsivyrėti Lenkijos įtakai Nemuno regione, t. y. vakariniame lietuvių teritorijos sparne. Taigi čia būta tam tikros koreliacijos tarp lietuvių aspiracijų ir Rusijos strategijos. Iš prieinamų Rusijos šaltinių galima spręsti, kad visose Rusijos politinėse srovėse Nemuno žemupys buvo regimas kaip lietuvių teritorija, inkorporuotina ne į Lenkiją, bet į Rusijos imperiją tiesiogiai. Svarbu pridurti, kad Rusijos planai atitiko ir Vakarų sąjungininkų supratimą ar netgi sulaukė jų pritarimo.

Be to, Nemuno regionas turėjo tiesioginę teritorinę sąsają su Suvalkų gubernija. Galima manyti, kad tas, kas kontroliavo pastarąją, turėjo vyrauti ir Nemuno regione. Antra vertus, Suvalkų gubernija dengė trumpiausią kelią į Vilniaus kraštą – silpniausią lietuvių geopolitikos vietą. Svarbiausias lietuviams rūpėjęs klausimas, – kur planuotos rytinės „nepriklausomos“ Lenkijos sienos. Rusijos valdžia nedarė jokių viešų pareiškimų dėl būsimų ribų su Lenkija nustatymo. Vis dėlto Rusijos politiniame elite būta tikro sutarimo, kad rytinė Lenkijos Karalystės siena turi likti pagrindu tokiai ribai (išskyrus lietuviškąją Suvalkų gubernijos dalį).

Vokietijai okupavus Lietuvą, vokiečiai formavo geopolitinę strategiją, panašią į rusiškąją – naudoti etnines bendruomenes kaip įrankį imperinei įtakai plėsti. Maža to, vokiečiai su lietuviais pradėjo diplomatinį dialogą. Tai buvo tiesioginė sąlyga Lietuvos valstybei atsirasti.

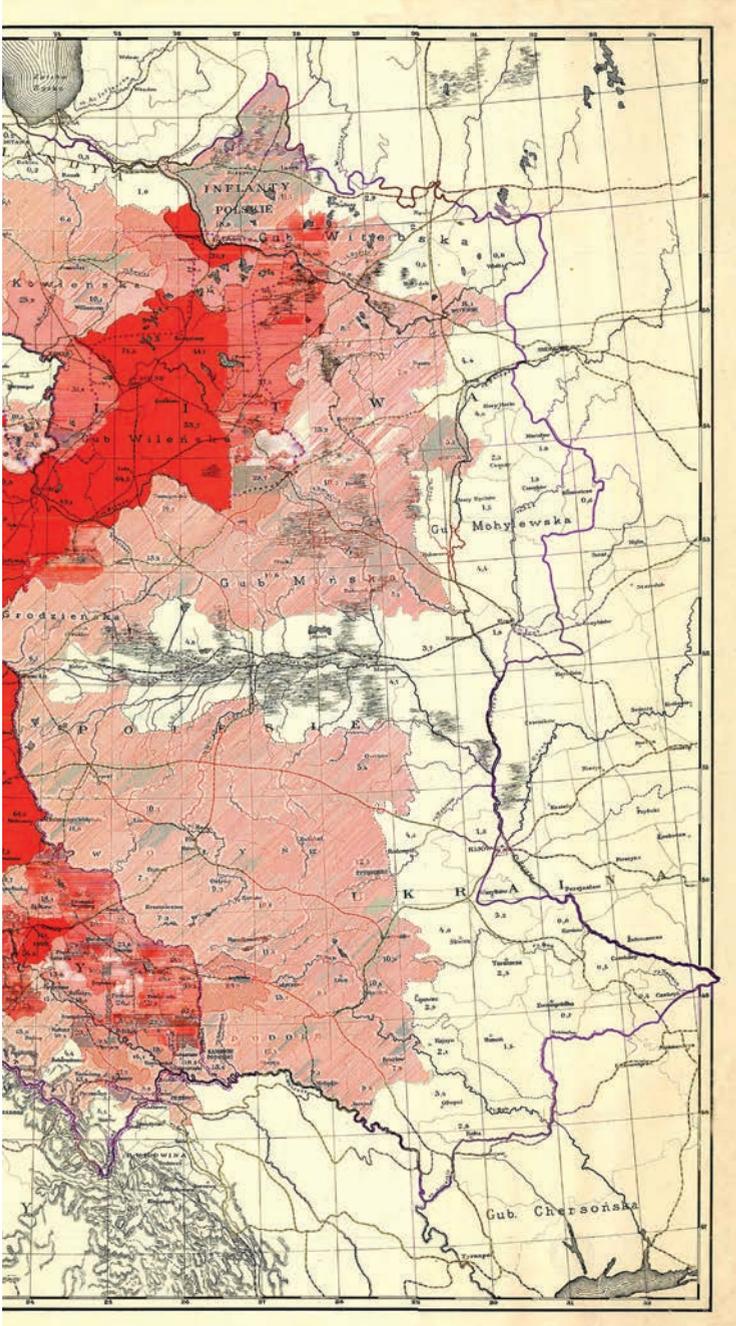
Taigi lietuviams Rusija ir Vokietija buvo natūralios geopolitinės sąjungininkės, siekiant išvengti polonizacijos. Pagrindine tokios sąjungos priežastimi tapo faktas, kad tiek Rusija, tiek Vokietija viešai pripažino etnografinį principą. Žinoma, galima teigti, kad tikrovėje tiek Rusija, tiek Vokietija suvokė lietuvius kaip taikinį visiškam pajungimui ir asimiliacijai. Vis dėlto tai, kad Rusija ir Vokietija pripažino etnografinį principą, lietuviams buvo esminės svarbos faktas, mat tą patį principą pripažino ir kitos didžiosios valstybės, o galiausiai ir tarptautinė bendruomenė.

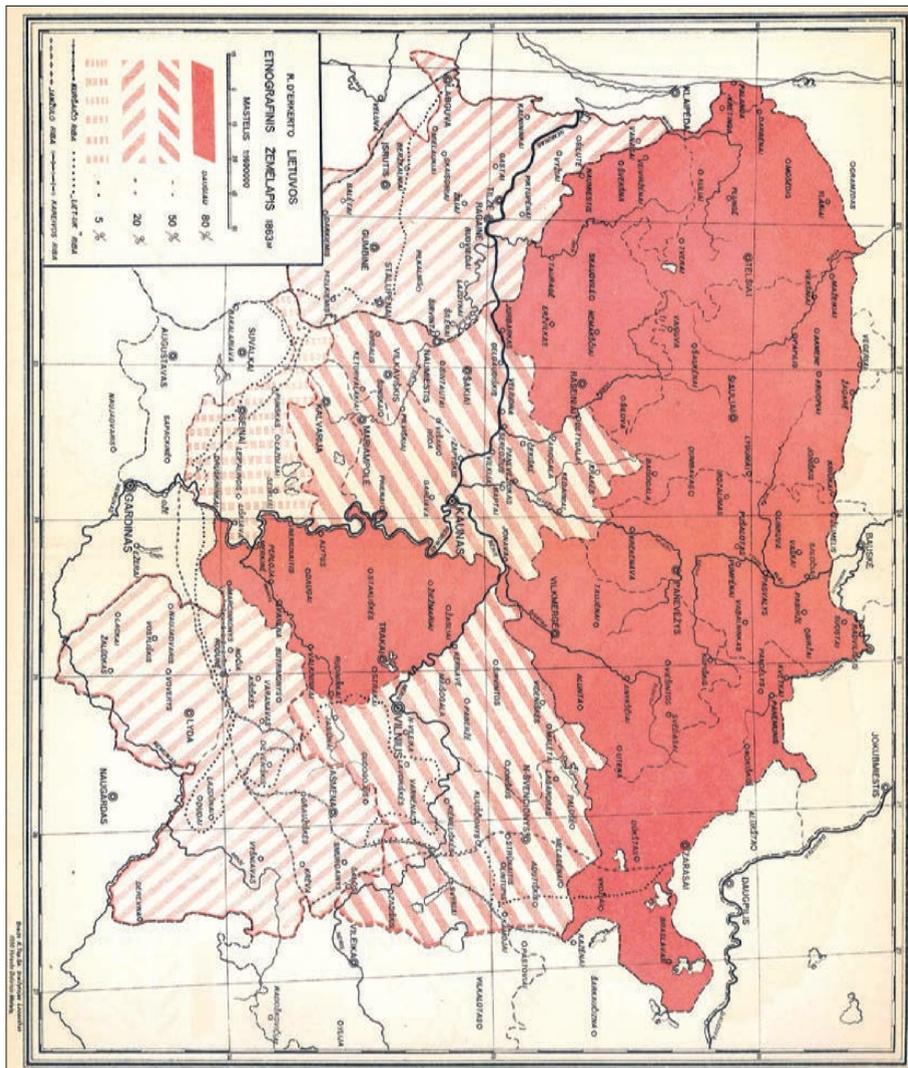

Карта №1.

Этнографическая карта Литвы Валериенаса Вербицкаса 1911 г.

(Valerijonas Verbičkas, *Lietuvos žemlapis su etnografijos siena*. St. Peterburgas: „Lietuvos Ukininko“ bendrovės išleidimas, 1911)

Карта № 3. Область распространения литовского языка на этой карте показана основываясь на данных, собранных и в 1863 г. опубликованных Родригом Фёдоровичом Эркертотом (*Atlas Ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais*. St. Petersburg, 1863). Новый чертеж карты на литовском языке был изготовлен для статьи Антанаса Сметоны «Этнографические границы Литвы» (*Vairas*, 1914, Nr. 16), а повторно – в 1930 г. для собрания сочинений тогда уже президента А. Сметоны (взято из: SMETONA, Antanas. *Raštai*. Т. 3: *Atgimstant*. Kaunas, 1930)